

К

ак раскрыть суть одного из главных религиозных конфликтов в истории Русской Православной Церкви? Конфликта, о котором высказаны, казалось бы, все возможные точки зрения: во множестве диспутов, книг и статей, но который при всем при этом не утихает и не теряет своей актуальности до наших дней, оставаясь полем для мифов, манипуляций и субъективных трактовок? Наконец, нужна ли такая попытка сегодняшним читателям?

Протоиерей Георгий Ореханов, известный богослов и глубокий исследователь биографии Льва Толстого, убежден, что не только нужна, но даже необходима. На нее все явственнее проявляется острый общественный запрос. Дело прежде всего в том, что именно толстовская аргументация возможности и более того естественности веры без Церкви озвучивается все чаще и порой в крайне агрессивной форме. Обряды и церковные догматы трактуются при этом как бессмысленное насилие над душой и телом человека. Фактические сторонники критической стороны учения Толстого при этом могут не читать его публицистических работ и даже вовсе не знать об их существовании. Однако те же или слегка видоизмененные доводы приводятся раз за разом и представляются убедительными значительной части образованного общества.

Книга протоиерея Георгия Ореханова¹ повествует о Леве Толстом как о человеке, мыслителе и ярком публицисте, давно обреченном на то, чтобы разговор о нем практически всегда продолжался разговором о Церкви. Таким образом, тема «Лев Толстой» здесь накрепко связана с темой «Церковь». Эта титаническая (без малого на 600 страниц крупного формата) работа, предваренная сразу 4-мя эпиграфами: из Розанова, Достоевского, архиеп. Иоанна (Шаховского), а также цитатой из письма двоюродной тетки графа А.А. Толстой, опирается на предшествующую научную монографию и на десятки статей того же автора и стремится к четкой структуре осмысления и выражения всего изученного материала. Но сама заявленная тема вместе с личностями, тесно связанными с ней, настолько глубока и необъятна, что и структура невольно усложняется. Большие (до сотни страниц) главы книги корректнее было бы назвать разделами.

Отмечу, что, при впечатляющем внешнем оформлении, корректура в крупнейшем издательстве «Эксмо» в этот раз, к сожалению, оказалась недостаточно зоркой и внимательной: многие слова (особенно в первых главах) сливаются без пробелов, а выражения вроде «оно задумана», «пятнадцать лет назад в одной из монографий последнего десятилетия» порой отвлекают от основного содержания.

В первой главе автор постарался максимально широко показать исторический контекст «эпохи». Начиная с периода Позднего Средневековья с его Реформацией, через времена европейского Просвещения, он приводит нас к ситуации духовного кризиса второй половины XIX века. *«Для будущих времен интересно будет сообщение, что в 80-х гг. минувшего столетия Россия и общество русское пережило столь разительно глубокий атеизм, что люди даже типа Достоевского, Рачинского и (извините) Розанова предполагали друг у друга атеизм, но скрываемый: до того казалось невозможным «верить», «не статочным» — верить!»* — таково свидетельство В.В. Розанова. Что важно, автор не избегает разговора об ответственности государства и церковного института как его неотъемлемой части на тот период времени. А происхождение духовного протеста он предлагает рассмотреть через религиозный опыт в субстанциальном, функциональном и дискурсивном аспектах. По моему ощущению, именно первая глава книги, хотя и безусловно необходима, но наиболее сложна для восприятия: исторический, социологический и биографический материал здесь настолько плотно сконцентрирован, что подталкивает даже подготовленного читателя продвигаться по страницам медленно, с остановками.

Затем вне разрывной связи с эпохой следуют главы «Духовная биография» (анализирующая биографические корни идейного переворота заглавного героя) и «Пространство духовного опыта» (представляющая попытку определить те «высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя»). Тщательно разбирается значение фигуры Жана-Жака Руссо, писателя и философа, в юности очень сильно повлиявшего на мировоззрение Толстого и надолго ставшего его кумиром. *«Я не только восхищался им; я боготворил его: в пятнадцать лет я носил на груди медальон с его портретом, как образок. Многие из написанного им я храню в сердце, мне кажется, что это написал я сам»,* — так в 1901 году характеризовал самый известный русский граф значение творчества французского просветителя.

Здесь же мы можем наблюдать за интересной (однако взаимно уважительной) полемикой с другим известным исследователем личности и эпохи Л. Толстого, автором биографической трилогии Павлом Басинским: *«Для П. Басинского важно противопоставление умной веры Л. Толстого и неразумной религиозности*

¹ Протоиерей Георгий Ореханов. Лев Толстой. Пророк без чести: хроника катастрофы. — Москва, Эксмо, 2016.

его тетушки, которая исповедует «голую веру в Провидение, в силу молитвы» и в образок Божией Матери. <...>

Я не знаю, возможно, вера тетушки Л. Толстого и была именно такой. Но утверждение, что приверженность традиции и разум вообще не могут соединяться в процессе осмысления сложных вопросов жизни, противоречит всему опыту христианской Церкви и христианского богословия».

В ряде аспектов учение Толстого идейно близко западному протестантству, что позволило некоторым исследователям причислить его к русской разновидности Реформации. При этом существуют и важные отличия. В частности, последовательное отрицание Толстым важнейшего для протестантов принципа Solafide («только верую» <спасаюсь>). В книге вводится термин «пэчворк-религия» применительно к Толстому: «Я склонен сделать вывод, что вера Л. Толстого была ярким примером лоскутной религии в том смысле, который только что был описан. Фактически Толстой сконструировал свою веру из отдельных отрывков Евангелия, философских трактатов, изречений мудрецов всех времен и народов».

Как известно, Толстой и Достоевский, существуя в одном культурном пространстве, имея множество общих знакомых и отзываясь на творческие достижения друг друга, никогда не встречались лично и не вступали в прямую переписку (хотя по свидетельству, приведенному в этой книге, незадолго до смерти Федор Михайлович собирался прервать это эпистолярное молчание возражением на письмо Толстого своей тетке). Достоевский всю сознательную жизнь переосмыслял традиции и догматы христианства, художественно доказывая их непреходящую актуальность. У Толстого изначально могли быть сходные искренние побуждения, однако в силу характера, известного рода упрямства и влияния окружающих результат оказался иным. «Тайнозритель плоти» (по выражению Мережковского) так и не стал «тайнозрителем духа». Таким образом, «просвещенческий гуманизм Толстого и Достоевского имеет общие корни, но разные плоды». Эта параллельность и этот антагонизм судеб двух гениальных писателей стали лейтмотивом книги в виде 10 «не-встреч с Достоевским».

Замечу, что чем дальше, тем более свободной, увлекательной и даже в чем-то авантюрной становится книга. Со знанием множества разнообразных аспектов разбирается «преступление» Толстого (не в юридическом смысле, а в плане влияния на читателя, семью как институт, на государство и на свой художественный талант, от которой он в конце жизни стремился отказаться). Мы можем узнать много нового о характере «главного соучастника» (самый знатный, влиятельный и энергичный его последователь В.Г. Чертков). Знакомимся с показаниями «свидетелей обвинения» (жены Софьи Андреевны, обер-прокурора К.П. Победоносцева, консула К.Н. Леонтьева, философа В.С. Соловьева) и «свидетелей защиты» (снова жены, но с другими — оправдательными — доводами, тетки Александры Андреевны, любимой сестры Марии Николаевны и младшей дочери Александры). При этом эссе практически о каждом из них содержат яркие и глубоко прописанные психологические портреты.

Проанализировав изображение Толстым религиозных обрядов и догматов через излюбленный им прием «остранения», автор замечает, «что вопреки мнению некоторых современных авторов, пишущих о Толстом, глубоких аргументов против православного вероучения в труде писателя мы не найдем, ибо его главный аргумент носит эмоционально-художественную окраску и заключается в том, что современный образованный человек «во все это» верить просто не может». Кроме того, по мнению автора: «характерной особенностью <толстовской критики> является отсутствие продуманной и убедительной аргументации. Постоянно апеллируя к человеческому разуму, логике, опыту, Л.Н. Тол-

стой на самом деле использует не метод научной критики, не научный курс, а чисто литературные приемы».

Будет уместно привести горький вывод И.М. Ивакина, домашнего учителя детей писателя: *«все в учении его как-то неясно, неопределенно, да во многих случаях он и сам не следует, чему учит. Он и сам, видимо, опутан сомнениями и страданиями, в сущности не зная, как ему быть и что делать, а издали производит, конечно, бессознательно, такое впечатление, как будто сомнений нет и все для него ясно, и люди, помимо, впрочем, его воли, поддаваясь этому, идут к нему для решения недоумений и недоразумений»*.

Кто же больше других способствовал тому, что Толстой из многих, зачастую сиюминутных, не окончательных впечатлений стал формировать подобие жесткой философской системы? По мнению автора, этим человеком стал его самый преданный и фанатичный последователь В.Г. Чертков: *«...для меня В.Г. Чертков остается не только редактором сочинений писателя, но, в определенном смысле, редактором его жизни, которую он сумел решительно направить в определенное русло, придав деятельности писателя совершенно новый, идеологический смысл»*. Здесь прослеживается наиболее явная связь с предшествующей книгой отца Георгия — монографией «Жестокий суд России: В.Г. Чертков в жизни Л.Н. Толстого». Отметив, что «приложил в ней руку» к излишнему «очернению» В.Г. Черткова, автор в своем новом труде преодолевает спрямленность первоначальной трактовки этой личности. В главе, посвященной ему (несмотря на по-прежнему провокативное название «Преступление. Главный соучастник»), мы видим гораздо менее однозначную, энергичную, по-своему даже привлекательную личность, тем не менее сыгравшую весьма печальную роль в судьбе гения.

Важно, что автор не раз выступает против примитивного восприятия идей, с которыми люди не согласны и, соответственно, против стремления поверхностно и искаженно им возражать: *«с некоторых пор русские школьники научились уже чуть ли не в пятом классе объяснять всем желающим, «чего не понимал Л. Толстой и в чем он ошибался». Правда, часто не прочитав у Толстого ни одной строчки»*.

Однако главный вопрос, камень преткновения, событие, ставшее точкой невозврата, — это, конечно, Синодальный акт, более известный, как «отлучение Л. Толстого», появившийся в 1901 году. Автор доказывает, что решение было принято Синодом самостоятельно, а не по указке светской власти и даже вопреки ее недовольству из-за последовавшей бурной реакции внутри страны и внешнеполитических репутационных потерь. Причин обнародования акта было несколько: прежде всего, явный отход Толстого от учения православия с принципиальным противостоянием ему; и — широчайшее распространение взглядов Толстого, ставшее значимым фактором русской жизни этого периода. О том, насколько популярно было толстовство на рубеже XIX и XX веков, свидетельствует множество фактов. Например, в молодости под обаяние личности и учения Толстого нередко попадали даже люди, в дальнейшем прославленные как православные святые. На некоторое время стал его активным последователем М.А. Новоселов (принявший в конце 1930-х мученическую смерть), и В.Ф. Войно-Ясенецкий (будущий архиепископ Лука Крымский) тоже пережил короткое, но сильное увлечение толстовством.

И Церковь, в итоге, посчитала невозможным и дальше не реагировать на происходящее, но *«хотя члены Св. Синода сделали все возможное, чтобы придать синодальному определению взвешенный характер, подавляющим большинством современников оно было воспринято именно как отлучение писателя от Церкви»*. Важно уточнить, что *«в практике Православной Церкви анафема была не столько наказанием, сколько предупреждением человека, в отличие от прак-*

тики Церкви Католической, в которой часто слово «анафема» заменялось термином «проклятие».

Однако, вероятно, само решение, как считал тогдашний обер-прокурор Синода Победоносцев, оказалось несвоевременным и уже запоздалым. О реакции на него в образованном обществе Чехов написал: *«К отлучению Толстого публика отнеслась со смехом»*. В своем «Ответе на определение синода» Толстой фактически согласился с большинством утверждений Синодального Акта и заявил: *«Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями только что вышел, я уже никак не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла»*. От этого взгляда он не отступился до самой смерти, а Церковь не может отказать ему, как и любому другому человеку, в полной свободе такого выбора.

В целом, от книги остается впечатление не только серьезнейшего фундаментального исследования (что вынуждены признать в отзывах на книги протоиерея Георгия даже оппоненты, например, В.А. Кошелев в своей в целом негативной рецензии в журнале НЛЮ, № 102), но главное — честного разговора о самых болезненных проблемах современного человека в его отношениях с религией, о важности личных усилий каждого человека для спасения. Именно эти вопросы поставили в полный рост перед Россией и всем миром титаны русской культуры. И искать ответы на них в контексте новой исторической реальности необходимо всерьез, со всей ответственностью и любовью к живым людям.

